

Патриархъ Никонъ—великій государь.

Особья обстоятельства, при какихъ Никонъ поставленъ былъ въ патриархи. Стремленіе Никона возвысить патриаршую власть. Взглядъ Никона на отношеніе царя и патриарха. Какимъ образомъ патриархъ Никонъ сдѣлался великимъ государемъ Его отношенія, какъ великаго государя, къ боярамъ, самому царю, къ архіереямъ и низшему духовенству. Характеръ его епархіальнаго управленія. Постройка Никономъ новыхъ своихъ собственныхъ монастырей какъ мѣра сосредоточить въ своихъ рукахъ огромныя земельныя имущества и тѣмъ создать для себя богатяи. ни отъ кого независимыя обширныя владѣнія Общія замѣчанія о характерѣ великаго государствованія Никона

25 іюля 1652 года новгородскій митрополитъ Никонъ, по выбору государя, былъ поставленъ въ московскіе патриархи.

Поставленіе Никона въ патриархи сопровождалось однимъ очень характернымъ и знаменательнымъ эпизодомъ. 22-го іюля государь, послѣ формальнаго избранія соборомъ въ патриархи Никона, послалъ за нимъ на новгородское московское подворье, гдѣ Никонъ тогда находился, депутацію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, звать его въ соборную церковь т. е. въ Успенскій соборъ, въ которомъ ожидали нареченнаго патриарха: царь, бояре, всѣ духовныя власти и народъ. Никонъ отказался идти. Еще нѣсколько разъ посылали за нимъ, но результатъ былъ тотъ же: Никонъ рѣшительно отказывался идти въ соборъ. Въ виду такого упорства Никона, царь послалъ за нимъ своихъ знатнѣйшихъ бояръ и приказалъ имъ привести Никона, хотя бы и противъ его воли, въ Успенскій соборъ. Никонъ явился. Царь, рассказываетъ объ этомъ самъ Никонъ, „со всѣмъ народомъ молиша насъ много, яко да будемъ патриархомъ московскимъ и всеа Русіи“. Никонъ, на мольбы царя и народа, отвѣчалъ

отказомъ, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ, не могущимъ пасти стадо словесныхъ овецъ Христовыхъ. Тогда царь, по разсказу Никона, „приклонися къ земли и припадалше со всѣмъ народомъ, со слезами молиша насъ, яко да будемъ — начало пастыремъ“. Никонъ наконецъ уступилъ мольбамъ царя и народа, согласился быть патріархамъ, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ обратился къ царю, боярамъ, присутствовавшимъ въ соборѣ іерархомъ и всему народу съ особою—необычною рѣчью, въ которой заявлялъ, что мы—русскіе „святое евангеліе и вѣщанія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и всѣхъ вселенскихъ семи соборовъ, святыхъ отецъ правила и царскія законы и церковныя догматы отъ православныхъ греческихъ церквей и святыхъ вселенскихъ патріарховъ пріяхомъ“, почему и называемся христианами. Но на дѣлѣ мы не исполняемъ: ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и святыхъ отецъ, ни законовъ благочестивыхъ греческихъ царей. Въ виду этого, говорилъ Никонъ, если хотите, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, „то дадите слово ваше и сотворите обѣтъ во святой соборной и апостольской церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, и предъ святымъ евангеліемъ, и предъ пречистою Богородицею, и предъ святыми его ангелы, и предъ всѣми святыми: держать будете евангельскіе Христовы догматы, и правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и благочестивыхъ царей законы сохраните. Аще обѣщаете ся неложно, и насъ послушати во всѣмъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго, елико вамъ повѣщать буду о догматѣхъ Божіихъ и о правилѣхъ, и сего ради, по желанію и прошенію вашему, не могу отрекатися отъ великаго архіерейства“. Эта необычная рѣчь Никона, по его словамъ, „усердно и съ любовію“ принята была царемъ, боярами и всѣмъ освященнымъ соборомъ и они, замѣчаетъ Никонъ, „предъ святымъ евангеліемъ и предъ святыми и многочисленными иконами вся, елика глаголахомъ, обѣшашася сохранити непреложно“. И только послѣ этого Никонъ окончательно выразилъ согласіе быть патріархомъ московскимъ и всея Руси ¹⁾.

И такъ, Никонъ былъ поставленъ въ патріархи при осо-

¹⁾ Зап. рус. арх. общ II, 482 и 513

быхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ; онъ заставилъ царя, бояръ, освященный соборъ и весь народъ дать публичную, торжественную клятву „послушати во всемъ“ новаго патріарха, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго“, и только подъ этимъ условіемъ согласился сдѣлаться патріархомъ. Такъ поступить Никонъ считалъ нужнымъ, очевидно, имѣя въ виду какія-то свои особыя цѣли. Думать, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду предстоящую ему церковно-реформаторскую дѣятельность было бы несправедливо, хотя бы уже потому, что въ своей реформаторской дѣятельности онъ долженъ былъ только выполнять, какъ мы знаемъ, уже готовую въ общемъ программу, ранѣе намѣченную царемъ, въ виду чего ему странно было бы заставлять царя давать клятву, что онъ не будетъ противиться церковно-реформаторской дѣятельности Никона. Точно также ему незачѣмъ было заставлять клясться и бояръ, которые всегда шли за царемъ и никогда не имѣли особой охоты вмѣшиваться въ церковныя дѣла, особенно когда это было бы непріятно царю, какъ инициатору церковной реформы. Съ другой стороны, и самъ Никонъ свои требованія, предъявленныя имъ при его постановленіи въ патріархи, никогда потомъ не приводилъ въ связь съ своею церковно-реформаторскою дѣятельностію, хотя впоследствии и часто указывалъ на приведенныя особыя обстоятельства своего избранія въ патріархи въ видахъ подчеркнуть съ теченіемъ времени обнаружившееся будто бы непослушаніе ему царя и бояръ, нарушеніе ими заповѣдей Божіихъ, правилъ св. апостоль и св. отецъ, почему онъ будто бы и оставилъ потомъ патріаршество. Значить у Никона, когда онъ бралъ клятву съ царя и бояръ, а также съ освященнаго собора и народа, что они будутъ послушны ему—Никону патріарху, была въ этомъ случаѣ своя особая цѣль, о которой царь и не подозрѣвалъ, хотя его—царя Никонъ главнымъ образомъ и имѣлъ въ виду, когда бралъ со всѣхъ клятву о послушаніи. Эта особая цѣль Никона заключалась въ слѣдующемъ: указанная нами выше отношенія свѣтской государственной власти къ духовной Никонъ находилъ неправильными, противорѣчащими заповѣдямъ Божіимъ, правиламъ св. апостоль и св. отецъ, и потому нетерпимыми въ истинно православномъ царствѣ, какимъ было царство московское. Никонъ рѣшилъ,

какъ патріархъ, реформировать исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной въ томъ смыслѣ, чтобы, въ лицѣ главнымъ образомъ патріарха, освободить духовную власть отъ всецѣлаго подчиненія ея власти свѣтской, поставить власть патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и управленіи независимо отъ подавляющей ее царской власти, сдѣлать ее въ церковной области совершенно автономною и даже больше: поставить ее выше царской власти во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ собственно почему, при своемъ избраніи на патріаршество, Никонъ и требовалъ, чтобы царь, бояре и весь народъ дали ему публичную торжественную клятву, что они будутъ соблюдать всѣ заповѣди Божіи, всѣ церковныя правила и законы и по всѣмъ дѣламъ вѣры и церкви будутъ слушать его, Никона, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго.“

Замыселъ Никона—кореннымъ образомъ измѣнить исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной, въ смыслѣ освобожденія послѣдней изъ подъ зависимости и гнета первой, сдѣлать русскую церковь, какъ религіозно-нравственное по существу учрежденіе, независимо отъ государственной политики, государственныхъ интересовъ и цѣлей, очень неодинаковыхъ въ разное время и часто очень несогласныхъ съ задачами и цѣлями истинной церкви Христовой,—проявился еще до его патріаршества, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ. Это сказалося въ фактѣ перенесенія Никономъ мощей св. митрополита Филиппа, замученнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, при чемъ Никонъ имѣлъ въ виду заставить свѣтскую власть публично и всенародно покаяться въ тѣхъ притѣсненіяхъ и оскорбленіяхъ, какія она нанесла власти духовной въ лицѣ св. митрополита Филиппа. Это какъ нельзя болѣе подтверждается характеромъ молебной царской грамоты къ мощамъ св. Филиппа, въ которой царь желаетъ пришествія святителя въ Москву и потому, „чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣла нашего, царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ тебя неразумно завистію и несдержанною яростію“. Въ то же время царь Алексѣй Михайловичъ торжественно заявляетъ въ своемъ молебномъ посланіи: „преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь

ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятъ, что ты примирился съ нимъ. Умоляю тебя, и честь моего царства преклоняю предъ честными твоими мощами, повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго тебя напрасно... Оправдалось на тебѣ евангельское слово, за которое ты пострадалъ, что всякое царство, раздѣлившееся на ся, нестанетъ; и теперь у насъ нѣтъ прекословящихъ тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія“¹⁾. Впослѣдствіи, на соборѣ 1666 года, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, когда прочтено было изъ грамоты Никона къ Константинопольскому патріарху Діонисію слѣдующее мѣсто: „посыланъ де онъ, Никонъ патріархъ, въ Соловецкій монастырь для мощей Филиппа митрополита, его же мучи царь Иванъ неправедно“,—то царь по этому поводу сдѣлалъ заявленіе: „для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи написалъ?“²⁾. На этотъ вопросъ царя Никонъ ничего не отвѣтилъ. Очевидно тѣ мѣста молебной грамоты царя къ мощамъ митрополита Филиппа, въ которыхъ говорится, что царь Иванъ Васильевичъ поступалъ съ митрополитомъ Филиппомъ неразумно, руководствуясь „завистію и несдержанной яростію“, признавались Алексѣемъ Михайловичемъ оскорбительными для его царственнаго прадѣда и, очевидно, написаны были, или редактированы, Никономъ, какъ и тѣ мѣста, гдѣ царь заявляетъ, что онъ преклоняетъ предъ святителемъ свой царскій санъ, повергаетъ къ моленію всю свою царскую власть, только бы его царственный прадѣдъ получилъ за свои согрѣшенія и напрасныя оскорбленія святителя прощеніе отъ него. Тенденція Никона въ этомъ дѣлѣ очевидна: возвысить духовную власть на счетъ свѣтской. Значить Никонъ, вступая на патріаршій престолъ, имѣлъ уже въ виду преслѣдовать въ своей патріаршей дѣятельности опредѣленную цѣль: измѣнить существовавшія у насъ ранѣе отношенія между свѣтскою и духовною властію въ смыслѣ возвышенія послѣдней надъ первую.

¹⁾ Собръ госуд. грам и догов т III, № 147, стр 471

²⁾ Гиб II, 1012.

Исходною точкою для выступленія Никона въ качествѣ горячаго и энергичнаго сторонника возвышенія духовной власти въ государствѣ, въ видахъ ея полной самостоятельности и независимости отъ власти свѣтской—государственной, служилъ особый взглядъ, какой Никонъ имѣлъ на царя и патріарха и на ихъ взаимныя отношенія. Этотъ взглядъ Никона изложенъ, во всеобщее свѣдѣніе, въ напечатанномъ, по его благословенію, предисловіи къ служебнику 1655 года, гдѣ заявляется, что Богъ даровалъ Россіи „два великія дара“—царя и патріарха, которыми все строится, какъ въ церкви такъ и въ государствѣ. Въ виду этого всѣ православныя русскіе торжественно приглашаются: „должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ, православнымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ *сію премудрую двоицу*: великаго государя царя Алексѣя Михайловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно *преданныя имъ грады* украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... храняще, *всѣмъ всюду сущимъ подъ ними* тоже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ святѣй славыимый, таковыхъ *великихъ государей* въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердець ихъ. . яко да *подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ* вси, повсюду, православни народи живуще, утѣшительными пѣснями славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего“.

Свой общій теоретическій взглядъ на отношеніе между духовною и свѣтскою властію Никонъ излагаетъ въ своемъ двадцать четвертомъ отвѣтѣ на вопросы Стрешнева и отвѣты на нихъ Паисія Лигарида. Никонъ пишетъ: „древніи уставы гречестія повѣдаютъ сице: два меча владычествовати,—иже есть духовный и мірскій, во предстательство людей своихъ,—Господь Христосъ въ церкви утвердилъ; владычества, духовное и мірское, тѣми двѣма мечами содержится. Который изъ нихъ вышній и достойнѣйшій,—единъ разумѣютъ тако, еже бы царь вышній былъ, ниже архіерей. Тыя мнѣнія своего тако подкрѣпляютъ: первое, яко царство ни отъ кого онаго исходитъ, токмо отъ Господа Бога; второе, егда бы архіерей имѣлъ быти вышши, нежели царь, тогда бы и начатки шли отъ него, отъ архіерея, чего не бываетъ“, царь—

„мечь во представительство закона, правды, вдовъ и сиротъ, имъ же и судити всякія вещи можетъ, чего архіеревни неблагоизволено. Нѣщии тако утверждаютъ, яко архіерей вышши есть неже царь. Тое убо толкують сице: яко Господь Богъ архіерею великому даде обое владычества: и міра сего и духовнаго. Судится (это видится) въ томъ, яко Господь І. Христосъ святымъ апостоламъ рекъ: аже кого свяжите на земли, будутъ связаны на небеси, и сіе восхотѣ распространити на всѣ тѣя намѣстники и глаголаше же: яко архіеревни дана есть власть на небеси, яже есть достойнѣйша, нежели (власть) міра. Изъ сего уже извѣстнѣйша: архіерей вышши имать быти надъ симъ (царскою властію), яко архіерей во время меча и суда мірскихъ потребовать можетъ то творити, что царь обыкль творити, творить законы православными (т. е. архіерей наблюдаетъ, чтобы царь все дѣлалъ по православнымъ законамъ). Еще къ тому сице: еже царя архіерей поставляетъ, и мощенъ его связати по заповѣдямъ Божиимъ. Аще бо священницы, имъ же царіе исповѣдуетъ грѣхи своя и нарицають ихъ отцемъ духовнымъ, могутъ вязати; колми паче архіерей великій, иже надъ священникомъ, царевымъ духовникомъ, власть имѣя, долженъ есть царя вязати, царь убо, при помазаніи на царство, долженъ исповѣдати ся: правду распространити, неправду же сокрушити“. Архіерей „для лучшаго исправленія“ требуетъ отъ царя дѣйствиі согласныхъ съ божественнымъ закономъ, и если царь не послушаетъ въ этомъ архіерея, „архіерею возможно быти противу его запрещати, не яко противу царя, но яко противу изступленнаго (отступившаго) отъ закона“. Далѣе Никонъ говоритъ, что Константинъ Великій далъ папѣ Сильвестру всѣ папскія регалии, власть, Римъ со всею областью въ управление, а самъ переселился въ Константинополь. Отсюда произошло, „еже та два меча христіанскаго царства между двѣми osoby раздѣлишася, еже есть—при архіерействѣ мечь духовный, при царѣ же—мечь мірской уставися“. На вопросъ кто же изъ нихъ выше? Никонъ говоритъ, что „разное послышаніе людей: примемъ первое разумѣніе ученыхъ въ законѣ духовномъ, яже утверждаютъ, яко власть царская имать быти повинна власти архіерейской, ей поручи Господь Богъ ключи царства небеснаго и далъ ей силу на земли вязати и рѣшати; къ сему же: архіерейская власть духов-

ная, царская же міра сего дана есть ему; и вещи власти небесныя, сирѣчь духовныя, презряднѣйше суть, нежели міра сего или временныя. Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣе архіерея и ему въ повиновеніи, зане и сіе глаголю: яко духовенство есть людіе избранніи и помазани Духомъ святымъ. Аще ли вси христіане архіереемъ послушни быти повинни, кольми паче той, который въ послушаніе архіереомъ иные непокоряющееся мечемъ приводить, повиненъ есть послушаніе имѣти“. Но, говоритъ затѣмъ Никонъ, оставимъ объ этомъ дальнѣйшія разсужденія „и приступимъ къ сему: какъ бы тое себѣ противное разумѣніе (т. е. два несогласныхъ взгляда) соединити и власть коегождо истинно показати и тако замкненіе противурѣчія будетъ. Господь Богъ всесильный егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила—солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли свѣтити повелѣ: солнце найтъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вѣщи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило—въ нощи еже есть тѣлу; яко же мѣсяцъ емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца и егда далѣ отъ него отстуетъ, тѣмъ совершеннѣйши свѣтъ имать, такожде и царь: поемлетъ посвященіе, помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея, отъ его же абіе воиспріимать уже имать свое совершенное свѣтило, еже есть: истиннѣйшую силу и власть. Таковое есть то разнство между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ, яковая есть между солнцемъ и луною, ибо архіерейская власть во дни, еже есть надъ душами, царская же власть въ вещахъ міра сего, и сія власть еже есть: мечъ царскій имать готовъ быти на непріатели вѣры православныя; если того архіерейство и все духовенство потребуеть, еже ихъ обороняти отъ всякія неправды и отъ насилуванія, то мірстїи повинны убо духовнымъ: мірстїи (требуеть) для душевнаго избавленія, мірскихъ—духовнии для обороны потребуютъ, и тако нѣсть въ томъ одинъ другаго выши, но кїждо имать власть отъ Бога... Въ вещахъ духовныхъ, належачихъ всѣхъ, архіерей великій выши царя, и кїждо человекъ православный архіереови послушаніемъ повиненъ, понеже онъ есть отецъ нашъ въ вѣрѣ православной, ему же ввѣрена православная церковь“ ¹⁾. Обращаясь къ Паисію Лигариду Никонъ пи-

¹⁾ Рукоп. нашей академіи № 218, л. л. 225—227 об.

шесть: „послушай апостола Павла къ Тимофею пишуша: старцу не твори пакости, но утѣшай, яко же отца, юношу—яко брата. Почему апостоль различное положи старцу и юнымъ? *Патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ, дѣлеса и словеса въ себѣ живописуя истину*“. Въ другомъ мѣстѣ Никонъ говоритъ: *первый архіерей* (т. е. патріархъ) *во образъ Христовъ, а митрополиты и архієпископы и епископы во образъ учениковъ и апостоловъ*“. Государю Никонъ пишетъ: „молимъ твое благородіе на насъ, богомольцовъ, не послушати клеветы отъ лихихъ человѣкъ *и не прикасатися намъ, помазанникомъ Божиимъ, судомъ и управою чрезъ каноны*“¹).

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ Никона онъ ставитъ патріарха если уже не всецѣло выше царя, то никакъ и не ниже, а по крайней мѣрѣ рядомъ, признаетъ, что только при равно-совмѣстной дѣятельности этихъ двухъ силъ—царя и патріарха и могутъ правильно строиться дѣла какъ церковныя—дѣла вѣры и благочестія, такъ и дѣла государственныя, такъ какъ самыя царства процвѣтають только тогда, когда духовная и свѣтская власть дѣйствуютъ дружно и совмѣстно, не подавляя одна другую. И это понятно. Если власть царская имѣетъ божественное происхожденіе, то тѣмъ болѣе такое происхожденіе имѣетъ власть духовная—патріаршая. Поэтому патріархъ, этотъ, по представленію Никона, живой образъ самого Христа, этотъ истинный помазанникъ Божій, по своему общественному значенію и достоинству не только не уступаетъ царю, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже и превосходитъ его, именно: сфера, въ которой дѣйствуетъ патріархъ, по самой своей природѣ, много выше и значимѣе, чѣмъ сфера дѣятельности царя: тамъ духъ, здѣсь тѣло, тамъ средства и мѣры духовныя, святыя, благодатныя, здѣсь—матеріальныя, мірскія, часто грубыя и насильственныя.

Теперь посмотримъ, какимъ путемъ пошелъ Никонъ къ главной, завѣтной цѣли своего патріаршества: сдѣлать въ церковной сферѣ патріаршую власть совершенно независимой отъ власти свѣтской, поставить патріарха рядомъ съ

¹ Ibid л 110 об Гиб I, 191; II, 516.

царемъ, какъ равную, если только не большую чѣмъ царь величину.

Такъ какъ у насъ и въ церкви и въ государствѣ все зависѣло ранѣе отъ одного государя, его личной воли и усмотрѣнія, то Никону, для достиженія его цѣли, естественно прежде всего, приходилось обратить вниманіе на государя, нужно было прежде всего, если онъ дѣйствительно хотѣлъ достигнуть своей цѣли, подчинить своему вліянію и своей волѣ государя, чтобы потомъ, опираясь на его помощь и содѣйствіе, совершить нужный, задуманный имъ переворотъ. Это удалось сдѣлать Никону очень скоро и успѣшно. Еще очень молодой, въ высшей степени благочестивый, относительно мягкій и по самой своей молодости довѣрчивый и увлекающійся Алексѣй Михайловичъ вполне подчинился Никону, какъ выдающемуся по своимъ качествамъ и свойствамъ человѣку, способному и могущему все привести въ лучшій и совершеннѣйшій порядокъ. Молодой царь несомнѣнно сильно идеализировалъ въ своемъ юношескомъ представленіи Никона, увлекался имъ и преклонялся предъ нимъ, какъ предъ своимъ идеаломъ. Не замѣчая дѣйствительныхъ неприглядныхъ качествъ Никона, — его гордой, крайне властной и деспотичной натуры, его громаднаго самолюбія и честолюбія, его всегдашней жесткости, нерѣдко переходившей въ жестокость относительно подчиненныхъ ему, думая, что окружающія его — царя неправильно понимаютъ и цѣнятъ Никона, Алексѣй Михайловичъ всецѣло подчинился Никону, какъ олицетворенію идеала истиннаго архипастыря и выдающагося государственнаго мужа. Никонъ, съ своей стороны, воспользовался указаннымъ особымъ отношеніемъ къ нему государя и немедленно и прежде всего устранилъ его отъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства въ церковныя дѣла. Царь передалъ веденіе ихъ всецѣло въ руки Никона, который теперь и сдѣлался единственнымъ самовластнымъ распорядителемъ и устроителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ.

Достигнувъ полной самостоятельности и независимости отъ свѣтской власти въ церковной сферѣ, сдѣлавшись въ ней единственнымъ безконтрольнымъ хозяиномъ, обративъ ее въ свой личный частно-владѣльческій удѣлъ, въ которомъ онъ распоряжался по своей волѣ и усмотрѣнію, при-

чемъ царь только подкрѣплялъ и одобрялъ его распоряженія, Никонъ на этомъ не остановился, а пошелъ далѣе по намѣченному имъ пути,—онъ скоро сталъ рядомъ съ царемъ, сталъ другимъ великимъ государемъ.

Самъ Никонъ на вопросъ: когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ титулъ великаго государя, въ одномъ случаѣ отвѣчаетъ такъ: „назвалъ (его великимъ государемъ) государь, да на немъ то Господь Богъ и взыщеть, а гдѣ и когда назвалъ, азъ скажу. Какъ великій государь пришелъ изъ подъ Смоленска въ Вязьму, а мы пришли съ государынею царицею и съ царемъ царевичемъ и съ государынями царевнами въ Вязьму, и онъ, великій государь, со многими моленіемъ говорилъ намъ о семъ, чтобы писатись великимъ государемъ, а нашего изволенія на то не было. А что онъ о своемъ изволеніи раскаялся и всемъ порицаетъ насъ тѣмъ, яко мы такъ начали писати, Господь Богъ разсудитъ въ день судный по его рукописаннымъ грамотамъ, въ нихъ же есть писано то, и положены на престолъ Божій“ ¹⁾).

Итакъ, по словамъ самого Никона, титулъ великаго государя данъ былъ ему царемъ, а его произволенія на это не было, такъ какъ онъ этого не только не искалъ, но и не желалъ, а если наконецъ и согласился принять титулъ великаго государя, то его принудилъ къ тому „многими моленіемъ“ царь, благодарный ему за то, что онъ спасъ царскую семью отъ моровой язвы. Это произошло, по словамъ Никона, 21 октября 1654 года въ городѣ Вязьмѣ, гдѣ находился тогда царь и куда прибылъ Никонъ съ спасенною имъ царскою семьею. Но это показаніе Никона: когда именно, по какому случаю и при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ титулъ великаго государя, во многомъ рѣшительно невѣрно, о чемъ говорятъ дошедшія до насъ несомнѣнныя документальныя данныя.

Уже въ томъ же 1652 году, когда Никонъ поставленъ былъ въ патриархи, нѣкоторые настоятели монастырей титуловали его въ своихъ грамотахъ великимъ государемъ ²⁾, а съ 1653 года этотъ титулъ усвояютъ ему и архіереи. Такъ, новгородскій митрополитъ Макарій въ своей грамотѣ, въ

¹⁾ Рукоп. нашей акад. № 218, л. 111 об.

²⁾ Акт. эвсп. IV, 330.

октябрѣ 1653 года, называетъ Никона великимъ государемъ ¹⁾. Сибирскій архіепископъ Симеонъ, въ грамотѣ къ воеводѣ Мусину-Пушкину еще въ мартѣ 1654 года т. е. за полгода до свиданія царя въ Вязьмѣ съ Никономъ уже называетъ его великимъ государемъ ²⁾. Цѣлый земскій соборъ, бывшій въ октябрѣ 1653 года, въ своихъ официальныхъ актахъ титулуетъ Никона великимъ государемъ ³⁾. Задолго до 21-го октября 1654 года называетъ Никона великимъ государемъ и самъ царь. Такъ 23 октября 1653 года, по поводу окончательнаго рѣшенія объявить войну польскому королю, царь, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, обращаясь съ рѣчью къ боярамъ, при чемъ присутствовалъ и Никонъ, говорилъ: „мы, великій государь царь... совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ“ ⁴⁾. Великимъ государемъ царь титулуетъ Никона патріарха въ своей грамотѣ отъ 8-го декабря 1653 года и также и во многихъ другихъ еще до 21 октября 1654 года ⁵⁾. Но что главное: самъ Никонъ въ своихъ грамотахъ, еще за годъ слишкомъ до 21 октября 1654 года, когда будто бы государь умолилъ его принять нежелательный для него титулъ великаго государя, уже постоянно титулуетъ себя великимъ государемъ. Такъ, 19 августа 1653 года; въ грамотѣ къ архимандриту Иверскаго монастыря Іакову, Никонъ пишетъ: „отъ великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Русіи“..., и затѣмъ уже во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ онъ неизмѣнно называетъ себя великимъ государемъ. А такихъ грамотъ къ архимандритамъ Иверскаго монастыря за 1653 годъ и за 1654 годъ до октября мѣсяца, до насъ дошло не одна, двѣ или три, а болѣе двадцати ⁶⁾. Даже въ грамотахъ къ царскимъ воеводамъ, еще ранѣе 21 октября 1654 года, Никонъ титуловалъ себя великимъ государемъ. Такъ 9-го іюля 1654 года Никонъ пишетъ: „отъ великаго государя, святѣй-

¹⁾ Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря № 20.

²⁾ Собр. госуд. пр. и дог. III. № 169

³⁾ Ibid № 157

⁴⁾ Дворц. разр. III, 378

⁵⁾ Описаніе Воскресенскаго монастыря—Допица, стр. 611 Акты Иверскаго монастыря, №№ 29, 38, 44, 45, 46, 47, 49, п. 51.

⁶⁾ Ак. Ивер. мон. №№ 16—19, 21—28, 30, 32, 34—37, 39—43, 48.

шаго Никона патріарха... на Вологду воеводѣ князю Ивану Тимоѣевичу Ухтомскому“... Или: „благословеніе великаго государя святѣйшаго Никона патріарха... въ Путивль воеводѣ и боярину Никитѣ Алексѣевичу Зюзину... Мы, великій государь, святѣйшій патріархъ, указали“... 1).

Такимъ образомъ Никонъ говоритъ рѣшительно несправедливо, что будто бы титулъ великаго государя данъ ему царемъ 21 октября 1654 года въ Вязьмѣ и вопреки его личному желанію, такъ какъ въ дѣйствительности самъ Никонъ уже съ августа 1653 года въ оффиціальныхъ своихъ грамотахъ титуловалъ себя великимъ государемъ, этотъ титулъ еще въ 1653 году усвоили ему и царь, и архіереи, и бояре, и другія лица. Нельзя здѣсь не замѣтить и того, что Никонъ, за его услугу царской семьѣ, которую онъ спасъ отъ моровой язвы, былъ награжденъ царемъ, какъ это хорошо извѣстно, не титуломъ великаго государя, а пожалованіемъ въ устрояемый Никономъ Иверскій монастырь пригорода Холма въ вотчину съ приписанными къ нему деревнями, крестьянами, пустошами, и со всѣми угодьями, и что эта новая милость царя оказана была Никону въ Вязьмѣ и именно въ благодарность за его услугу царской семьѣ въ моровое повѣтріе, какъ это и обозначено въ самой царской жалованной грамотѣ 2). Но, въ такомъ случаѣ, когда же, какимъ образомъ, въ силу какихъ обстоятельствъ Никонъ могъ усвоить себѣ титулъ великаго государя, а царь не только этому не воспротивился, но и самъ сталъ титуловать его великимъ государемъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя особыя черты въ дѣятельности Никона, когда онъ былъ еще новоспасскимъ московскимъ архимандритомъ, затѣмъ новгородскимъ митрополитомъ и, наконецъ, московскимъ патріархомъ.

Никонъ, будучи московскимъ новоспасскимъ архимандритомъ, принималъ, съ разрѣшенія государя, челобитныя къ царю и доводилъ ихъ до его свѣдѣнія. Это были жалобы бѣдныхъ и обиженныхъ на всякія неправды, волокиты, хищенія и другія беззаконія сильныхъ міра сего. Никонъ разбиралъ эти жалобы, докладывалъ ихъ царю и, если нахо-

1) Аж эксп. IV, № 71. Зап. рус арх общ II. 584

2) Акты Ивер. мон № 53.

диль нужнымъ и справедливымъ, предлагать государю отмѣвять разныя состоявшіяся по разнымъ дѣламъ находимыя имъ несправедливыми рѣшенія и замѣнять ихъ другими болѣе справедливыми. Очевидно онъ встрѣчалъ, при такой дѣятельности, массу всякихъ неправдъ, какъ со стороны отдѣльныхъ властныхъ лицъ, такъ и со стороны цѣлыхъ учреждений и, по возможности, старался исправить и уничтожить производимый ими вредъ, и такимъ образомъ невольно сдѣлался контролеромъ дѣйстви и распоряженій разныхъ правительственныхъ лицъ и учреждений, невольно сталъ входить во вкусъ вмѣшиваться въ государственно-общественныя дѣла, въ видахъ обличенія и исправленія встрѣчающихся въ нихъ неправдъ и беззаконій. Царю эта роль Никона, какъ заступника предъ нимъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, какъ обличителя неправдъ и беззаконій разныхъ правительственныхъ учреждений и лицъ, очень понравилась и онъ поощрялъ Никона къ такой дѣятельности, относясь къ нему съ полнымъ довѣрiемъ. Сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ Никонъ получаетъ отъ царя формальное право наблюдать за правильностью и законностью дѣйствій мѣстныхъ воеводъ и другихъ органовъ суда и управленія и о всемъ доносить государю, благодаря чему онъ становится правомочнымъ властнымъ контролеромъ государственныхъ учреждений и лицъ въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ же Никонъ съ успѣхомъ выступаетъ и какъ выдающийся политическiй дѣятель. Въ это время въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ, ранѣе начавшiйся въ Псковѣ. Новгородскiй воевода князь Хилковъ совсѣмъ растерялся и бунтовщики составили изъ себя свое правительство. Когда толпа бунтовавшихъ пришла къ Никону, онъ вышелъ къ ней и сталъ уговаривать прекратить бунтъ. „Но они, рассказываетъ самъ Никонъ въ письмѣ къ царю, меня ухватили со всякимъ безчиномъ, ослономъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, держа ихъ въ рукахъ, и повели было меня въ земскую избу“. Но дорогою Никону удалось уговорить ихъ отпустить его, такъ какъ ему нужно было служить литургiю, на что мятежники наконецъ и согласились. Когда мятежъ въ Новгородѣ стихъ, Никонъ всячески старался успокоить взволнованную общину, ходатайствовалъ за нее предъ царемъ и совѣтывалъ ему простить

виновныхъ. „Милостивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! писалъ Никонъ, уподобись милостивому и челоуѣколюбивому Богу! Какъ будутъ тебѣ о своихъ винахъ бить челомъ, прости; а я, уговоривая ихъ, въ твоей милости ручался, а если бъ не такъ уговаривалъ, то бы всѣ отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо вдалились. Ко мнѣ всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили, что меня били и безчестили и били на меня челомъ ложно“. Царь, съ своей стороны, восторженно восхваляя Никона за его подвигъ, выражалъ желаніе, чтобы Никонъ въ этомъ дѣлѣ, „какъ началъ, такъ бы и совершалъ“, причемъ особою грамотою Никону уполномочивалъ его вести дѣло успокоенія новгородцевъ вмѣстѣ съ воеводою, причемъ послѣдній ничего не долженъ былъ дѣлать безъ совѣта съ Никономъ, вслѣдствіе чего всѣ дѣла по поводу возмущенія въ Новородѣ перешли въ руки Никона, какъ полномочнаго министра государя. Присланный на мѣсто Хилкова воеводою — Хованскій во всемъ соглашался съ Никономъ и дѣйствовалъ по его указаніямъ, такъ что когда изъ Москвы стали выражать неудовольствіе на медленность Хованскаго, Никонъ энергично вступился за него и въ письмѣ къ царю прямо заявлялъ: „да я ему (Хованскому) говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлять не вскорѣ, съ большимъ разсмотрѣніемъ, что бъ твое дѣло всякое сыскалось впрямъ; отъ этого дѣло и шло медленно, а не по боярскому нерадѣнію... Работалъ тебѣ онъ (Хованскій) тихимъ обычаемъ, невдругъ, чтобъ не ожесточились, а что промедлилось, и въ томъ твоему государеву дѣлу поруки нѣтъ“.

Умный, тактичный и мужественный образъ дѣйствій митрополита Никона производилъ сильное впечатлѣніе на Алексѣя Михайловича: онъ увидѣлъ въ Никонѣ не только выдающагося архипастыря церкви, но и мужа государственнаго, челоуѣка, способнаго найтись въ запутанныхъ политическихъ дѣлахъ, вести ихъ по правильному пути и потому сталъ видѣть и признавать въ Никонѣ выдающагося государственнаго мужа, прислушиваться къ мнѣнію котораго въ государственныхъ дѣлахъ дѣло далеко не лишнее. Въ грамотѣ къ псковскому архіепископу Макарію царь уже прямо ставитъ ему въ образецъ Никона, такъ какъ возмутившіеся

новгородцы „въ познаніе пришли“ благодаря именно радѣнію митрополита Никона и службѣ Хованскаго“. Съ своей стороны и Никонъ уже не ограничивался приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ только въ своемъ городѣ, но посылалъ увѣщевать отъ себя и псковичей, возмущеніе которыхъ продолжалось съ особою силою, причемъ Никонъ настойчиво совѣтывалъ государю милостиво и снисходительно отнестись даже къ главарямъ псковскаго возмущенія. Никонъ писалъ государю: „вели, государь, и тѣмъ четыремъ человѣкамъ (главнымъ дѣятелямъ псковскаго возмущенія), пушчимъ ворама, вмѣсто смерти животь дать, чтобъ великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореніи не быть. А тѣмъ промысловъ (военною бывшею тогда подъ Псковомъ силою) Пскова невзять: которые люди подъ Псковомъ, и тѣхъ придется потерять, а Новгороду отъ подводъ и ратныхъ людей будетъ запустѣнье“¹⁾.

Такъ Никонъ выдвинулся, особенно въ мнѣніи царя, не только какъ незаурядный церковный іерархъ, но и какъ выдающійся государственный дѣятель, способный съ самопожертвованіемъ, энергіею и тактомъ устраивать запутанныя государственныйя дѣла. Естественно поэтому было, что Алексѣй Михайловичъ постарался не только поставить Никона патріархомъ на мѣсто умершаго Іосифа, но и еще тѣснѣе приблизить къ себѣ, какъ своего довѣреннаго и умнаго совѣтника по всѣмъ дѣламъ государственнымъ. Эта особая близость Никона къ царю, это его видимое всѣмъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и подало конечно поводъ называть его не только патріархомъ, но и великимъ государемъ, т. е. этимъ титуломъ (ранѣе патріарховъ, обыкновенно титуловали: „великій господинъ“) оттѣнить особое его положеніе, занятое имъ въ государственномъ управленіи. Никонъ не останавливалъ тѣхъ, кто желалъ его титуловать великимъ государемъ, почему этотъ титулъ сталъ прилагаться къ нему все чаще и чаще. Государь не только не препятствовалъ этому, но и самъ сталъ называть Никона, какъ и другіе, великомъ государемъ, такъ какъ всячески желалъ почитать и поставить на особую высоту своего обожаемаго „собиннаго друга“. Никонъ принималъ это прекло-

¹⁾ Соловьева, Ист. Рос. т. X, стр. 176—200.

пеніе предъ нимъ какъ должное, справедливое и законное, почему уже чрезъ годъ, по своемъ вступленіи на патріаршую кафедру, онъ спокойно самъ себя титулуетъ великимъ государемъ.

Значить, титулъ великаго государя былъ усвоенъ патріарху Никону не въ силу какаго нибудь формальнаго акта, указа, особаго царскаго распоряженія, а вошелъ въ употребленіе постепенно, самъ собою: сначала нѣкоторыя отдѣльныя лица, желавшія угодить, понравиться всемогущему патріарху, стали въ своихъ обращеніяхъ къ нему называть его не великимъ господиномъ, а великимъ государемъ. Вслѣдъ за ними и всѣ другіе видя, что это очень нравится Никону, стали употреблять тотъ же титулъ, тѣмъ болѣе, что и самымъ высокопоставленнымъ и родовитымъ боярамъ приходилось заискивать предъ всемогущимъ и, въ то же время, очень грознымъ царскимъ любимцемъ. Что касается царя Алексѣя Михайловича, который сначала не препятствовалъ, а потомъ и самъ сталъ называть Никона великимъ государемъ, то въ этомъ актѣ онъ видѣлъ, вѣроятно, уже не одну только внѣшнюю почесть, а и нѣчто большее и существенное. Онъ нашелъ въ Никонѣ человѣка, который мужественно стоитъ за правду, за законъ, за всѣхъ бѣдныхъ и обиженныхъ, онъ нашелъ въ немъ очень энергичнаго и сообразительнаго дѣятеля по дѣламъ государственнымъ, не исключая и дѣлъ политическихъ, и потому, усвоивъ ему титулъ великаго государя, тѣмъ самымъ хотѣлъ открыть Никону прямой путь къ воздѣйствію на ходъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, хотѣлъ, чтобы въ правительственной дѣятельности Никонъ всегда былъ рядомъ съ царемъ, какъ его всегдашній и ближайшій помощникъ и совѣтникъ и, въ извѣстномъ отношеніи, соправитель, мнѣніями и совѣтами котораго онъ всегда особенно дорожилъ. Поэтому вполне было естественно, что когда царь, по случаю войны, надолго оставилъ Москву, онъ вмѣсто себя, правителемъ государства оставилъ, казалось ему, второе его его—втораго великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха.

Никонъ такъ дѣйствительно и понялъ свое положеніе „великаго государя“ и въ отсутствіи царя, продолжавшагося съ небольшими перерывами два года, онъ сталъ дѣйствительнымъ полновластнымъ правителемъ не только церкви, но

и государства: его слово, приказъ, какъ слово и приказъ дѣйствительнаго великаго государя, имѣло для всѣхъ обязательную силу, предъ нимъ, какъ настоящимъ царемъ, преклонялось все. Знатнѣйшіе бояре, представители разныхъ отраслей государственнаго управленія, должны были являться къ нему съ своими докладами, выслушавъ которые, Никонъ клалъ на нихъ свои резолюціи. Въ случаѣ какихъ либо сомнѣній или недоумѣній Никонъ обращался въ разные государственные приказы за справками, которыя обязательно ему посылались и отъ него уже потомъ зависѣло дать дѣлу тотъ или другой ходъ, привести его къ такому или иному рѣшенію. Словомъ все въ государствѣ зависѣло теперь отъ всемогущаго патріарха, отъ его воли и усмотрѣнія. Павелъ Алепскій, описывая свой пріѣздъ въ Сѣвскъ, на пути въ Москву, замѣчаетъ, „что отъ вельможъ—воеводъ и всѣхъ другихъ лицъ они постоянно слышали особья похвалы своему патріарху, котораго имя не сходитъ у нихъ съ языка, такъ что они, кажется, любятъ его, какъ Христа. Всѣ боятся его и, бывало, постоянно просятъ нашего владыку, чтобъ онъ похвалилъ ихъ предъ патріархомъ, когда съ нимъ свидится, ибо тотъ съ царемъ одно“¹⁾. Главный воевода русскихъ войскъ; отправлявшіеся на войну съ поляками (въ 1654 году), князь Трубецкой, въ своей отвѣтной прощальной предъ отходомъ въ походъ рѣчи говорилъ обращаясь къ Никону: „если же въ безхитрости или въ неудомѣнии нашемъ преступленіе учинится, молимъ тебя, пресвѣтлѣйшій владыка, о заступленіи и помощи“²⁾.

Никонъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ войнѣ съ поляками. Несомнѣнно онъ энергично настаивалъ предъ царемъ о принятіи Хмельницкаго въ подданство Россіи и на необходимости энергичныхъ военныхъ дѣйствій противъ поляковъ. Въ „всенародномъ прошеніи царю“ объ избраніи на мѣсто Никона новаго патріарха, говорится: „по остривъ убо тебе архіерей непреподобный (т. е. Никонъ) чрезъ волю Божию ко брани, гнѣвъ отъ Бога привлече на всю Россію, забывъ пророка вопіюща, паче же и моляща Бога на таковыя: разруши, рече, языки, хотящая бранемъ“³⁾. На

1) Мурк. вып II, 122

2) Соловьевъ, X, 361.

3) Матер VII, 52.

то же указываетъ и самъ Алексѣй Михайловичъ, когда, 23 октября 1653 года, въ Успенскомъ соборѣ торжественно заявилъ, что онъ „посовѣтовавшись съ отцомъ, съ великимъ государемъ святѣйшимъ Никономъ патріархомъ“, рѣшилъ идти войною на недруга своего—польскаго короля. Никонъ, вмѣстѣ съ царемъ, отпуская воеводъ на войну, служилъ за нихъ въ Успенскомъ соборѣ особый молебенъ, на которомъ поименно перечислилъ всѣхъ начальниковъ, и въ особой рѣчи воодушевлялъ ихъ на предстоящій имъ ратный подвигъ. Когда отправлявшіеся на войну войска проходили Кремлемъ, Никонъ самъ кропилъ ихъ святою водою и снова въ рѣчи къ воеводамъ воодушевлялъ ихъ къ усердному исполненію ихъ ратнаго долга въ надеждѣ на помощь Господа Бога и пресв. Богородицы. Самъ Хмельницій смотрѣлъ на Никона, какъ на главное лицо, воодушевившее царя на борьбу съ поляками, какъ на своего личного сторонника и заступника. Не задолго до своей смерти Хмельницкій, уже сильно больной и не могшій сидѣть, когда пришли къ нему наши послы, всталъ однако съ постели и, поддерживаемый слугами, циль за здоровье государя, его семьи и за патріарха Никона—„милостиваго заступника и ходатая“¹⁾.

Никонъ не ограничивался однако только нравственнымъ воздѣйствіемъ на царя и окружающихъ его лицъ въ видахъ воодушевить ихъ на борьбу съ поляками, но и принималъ дѣятельное участіе въ самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, всячески стараясь содѣйствовать ихъ успѣху. Такъ, во время приготовленія къ походу Никонъ изъ своихъ патріаршихъ средствъ, какъ онъ выражается въ письмѣ къ царю, „тебѣ, великому государю, 10,000 челомъ ударилъ на подъемъ ратнымъ“²⁾. По распоряженію Никона съ монастырей собирався и отсылался въ армію хлѣбъ, собирали съ монастырей и архіереевъ подводы для арміи, лошадей, и все это Никонъ отсылалъ въ армію при своихъ письмахъ къ государю. Опись посланнаго Никономъ въ армію дошла и до насъ³⁾. Кромѣ того Никонъ строилъ боевые топорки, бердыши, длинныя пищали для пѣхоты, посылалъ ратныхъ людей къ Динабургу

¹⁾ Соловьевъ. X. 355—361, 439

²⁾ Дѣло о патр Никонѣ, стр 11

³⁾ Зап. рус археол общ II, 591—593

и въ другія мѣста. Тщательно наблюдая за ходомъ военныхъ дѣйствій Никонъ посылалъ царю въ дѣйствующую армію свое благословеніе и одобреніе, высказывалъ свое мнѣніе гдѣ и какъ войску нужно дѣйствовать. Такъ, о Василевичѣ и Поклонскомъ (шляхтичахъ), бывшихъ сначала сторонниками подчиненія царю, а потомъ ему измѣнвшихъ, пишетъ, „что ихъ проклинать невозможно“. Царь завязалъ переговоры съ литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ, перешедшимъ на сторону шведскаго короля, въ видахъ убѣдить его подчиниться царю. По этому случаю Никонъ писалъ царю, „чтобъ Радзивила не призывать, а его и такъ Богъ предасть.“ Посылалъ царю благословеніе идти походомъ на Минскъ и Вильну, писалъ царю, чтобъ за нимъ не только была Вильна, но чтобы онъ добывалъ себѣ и Варшаву и Краковъ и всю Польшу; прислалъ ему благословеніе „писатца великимъ княземъ литовскимъ“, писалъ государю, что онъ — Никонъ послалъ въ полкъ къ Петру Потемкину донскихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы они моремъ напали на Стокгольмъ и другія мѣста, въ видахъ заставить шведовъ оставить прибалтійскій край; давалъ царю совѣтъ, „чтобъ Трубецкой воевать началъ поранѣе“. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что Никонъ очень усердно и добросовѣстно исполнялъ, даже въ военномъ отношеніи, свои обязанности великаго государя, что онъ, какъ человекъ пылкій и увлекающійся, уже мечталъ о завоеваніи и присоединеніи къ Москвѣ всей Польши, о возможности морскаго похода донскихъ казаковъ на Стокгольмъ и разныя побережныя мѣста Швеціи, о закрѣпленіи за государемъ титула великаго князя литовскаго, сильно заботился о поддержаніи боеваго пыла и увѣренности въ побѣдѣ среди арміи, которой онъ посылалъ не только свои спеціальныя патріаршія благословенія, но нарочно посылалъ и животворящій крестъ.

Какъ настоящій великій государь Никонъ даже входилъ лично отъ себя въ сношенія, хотя и по своимъ дѣламъ, съ иностранными владѣтельными особами и представителями иностранныхъ православныхъ церквей, титулуя себя, какъ и царь, въ грамотахъ къ нимъ, великимъ государемъ. Такъ въ грамотѣ къ валахскому воеводѣ Стефану (1-го Дек 1657 г.) онъ титулуетъ себя: „*Никонъ. Божією милостію великій господинъ и государь, архієпископъ царствующаго града*

Москвы и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи и всеа сѣверныя страны и поморіа и многихъ государствъ патріархъ“. Также титулуеть онъ себя и въ грамотахъ къ мутьянскому владѣтелю Константину, къ молдавскому митрополиту Гедеоу и къ угро-влохійскому митрополиту Стефану. Въ другой грамотѣ къ молдавскому владѣтелю Стефану, отвѣчая на грамоту къ нему послѣдняго, пишетъ: „и мы великій государь и архипастырь, васъ извѣщаемъ, яко великій государь... его царское величество, и мы великій государь, не точію васъ, но и не единого отъ православныхъ суетными надеждами питати необыкохомъ“... Грамоты въ концѣ имѣють такую дату: „Данъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ дому преславныя Царицы—Богородицы, въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1657, мѣсяца декабря дня 1-го“ ¹⁾.

Такъ Никонъ достигъ самымъ блестящимъ образомъ своей ближайшей цѣли. Онъ сдѣлался не только самостоятельнымъ, независимымъ отъ свѣтской власти церковнымъ правителемъ, но, рядомъ съ царемъ, вторымъ великимъ государемъ, имѣвшимъ прямое вліяніе на весь ходъ дѣлъ государственныхъ, которыя отъ него зависѣли почти столько же, сколько и отъ перваго—дѣйствительнаго государя, такъ какъ послѣдній во всемъ полагался на своего „собиннаго друга“, на все смотрѣлъ его глазами, подчинялся его авторитету и водительство. Какъ же Никонъ воспользовался своею необычайною громадною властію, какое употребленіе онъ сдѣлалъ изъ нея въ интересахъ освобожденія церкви отъ подчиненія ея государству, въ интересахъ улучшенія и возвышенія положенія духовенства какъ въ государствѣ такъ и въ обществѣ?

Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ пишетъ, что бояре несправедливо упрекали его въ томъ, что онъ будтобы самъ назвалъ себя великимъ государемъ и вступается во многія государственныя дѣла, почему-де онъ и отвѣчалъ на упреки бояръ слѣдующее: „ниже величанія мы восхотѣхомъ, ниже великимъ государемъ назовомся собою, ниже въ царскія дѣла вступахомъ, токмо аще о правдѣ какой глаголахомъ, или отъ бѣды кого избавихомъ,—

¹⁾ Дѣло о патр Никонѣ, стр 429—438.

и сего ради мы архіереи бываемъ“ ¹⁾, т. е. Никонъ, вопреки правдѣ, увѣряетъ константинопольскаго патріарха, что будто бы все его вмѣшательство въ государственныя дѣла состояло только въ томъ, что онъ о правдѣ какой говорилъ государю, или кого отъ бѣды избавлялъ, но не болѣе. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, дѣло стояло совсѣмъ не такъ: Никонъ вступался во всѣ государственныя дѣла, стремился руководить ими и дѣйствовалъ въ нихъ какъ настоящій великій государь. Въ какомъ духѣ и направленіи Никонъ проявлялъ свое государствованіе въ дѣлахъ государственныхъ, и какъ на это смотрѣли современные ему государственныя дѣятели, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ донесенія государю бояръ Одоевскаго и Стрешнева и дьяка Алмаза Иванова, посланныхъ государемъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь въ іюлѣ 1663 года по дѣлу Бабарыкина: „неправды всякія учаль чинить онъ, Никонъ, будучи на патріаршествѣ, преобидя Божіи законы: учаль вступаться въ ваши государевы во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, и учаль писаться великимъ государемъ, и памяти указныя въ приказы отъ себя посылалъ и дѣла всякія, безъ вашего великаго государя указа, изъ приказовъ ималь, и учаль многимъ людямъ чинить обиды: вотчины отнимать, и людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать и всякія обиды чинить, и тебѣ, великому государю, о тѣхъ его обидахъ многое челобитье. И то онъ дѣлалъ не архіерейски, противно преданія святыхъ отецъ“ ²⁾.

Какъ великій государь святѣйшій патріархъ Никонъ держалъ себя по отношенію къ самымъ знатымъ и родовитымъ боярамъ, стоявшимъ во главѣ разныхъ правительственныхъ учрежденій, это мы хорошо знаемъ изъ словъ современника-очевидца правительственной государственной дѣятельности Никона. Діаконъ Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, рассказываетъ слѣдующее: „бояре прежде входили къ патріарху безъ доклада привратниковъ; онъ выходилъ имъ навстрѣчу и при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока

1) Зап. рус. археол. общ. II, 516

2) Собр. госуд. гр. и дог. IV №№ 34 и 35, стр. 129

Никонъ не дозволить имъ войти; они входятъ съ чрезвычайною робостію и страхомъ, приче́мъ, до самаго окончанія своего дѣла, стоятъ на ногахъ, а когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Павелъ Алепскій говоритъ: „предъ своимъ отъѣздомъ (на войну) даръ поставилъ на мѣсто себя полномочнаго намѣстника и нѣсколькихъ министровъ. Изъ нихъ на каждого возложено одно дѣло; высшее же рѣшеніе принадлежитъ намѣстнику. Наблюдателемъ надъ всѣми онъ поставилъ патріарха: ни одно дѣло, важное или незначительное, не дѣлается иначе, какъ съ его совѣта и по докладѣ ему министрами каждое утро. Обыкновенно ежедневно, рано по утру, министры являлись въ приказъ... Всѣ министры, собравшись въ диванѣ, (оставались тамъ), пока не прозвонитъ колоколь патріарха: обыкновенно дверь у патріарха всегда бываетъ заперта, отъ одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонитъ колоколь; тогда патріархъ выходитъ во внѣшній диванъ. Бояре стояли у его дверей на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не приказывалъ ихъ впустить. Такъ мы видали ихъ своими глазами, ибо нашъ владыка патріархъ, во все время отсутствія даря, ежедневно отправлялся къ патріарху Никону узнавать отъ него о здоровьи царя и какія получены извѣстія. Когда позволеніе было испрошено и нашъ владыка входилъ къ нему... они сажались для бесѣды, и толмачъ переводилъ ихъ рѣчи, пока не кончатъ. А бояре въ это время сидѣли наружѣ, пока патріархъ не позволитъ имъ войти. При входѣ ихъ, онъ оборачивался къ иконамъ, читалъ про себя *Достойно есть*, при чемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытою головою до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и, въ заключеніе, вторично дѣлалъ земной поклонъ. Такъ подходили всѣ подъ благословеніе, даже ихъ маленькія дѣти поступали точно также. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывая имъ, что должно дѣлать. Какъ намъ случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а навѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха _Никона никогда не

занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ, благодаря своему пронизательному, острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами. По окончаніи приема, патріархъ опять оборачивался къ иконамъ, пѣлъ вторично *Достойно есть*, и, обернувшись, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ“¹⁾. Понятно, что гордые своею породою и чванливые московскіе бояре кровно оскорблялись властнымъ, надмѣннымъ обращеніемъ съ ними Никона, но до поры до времени принуждены были скрывать свои истинныя чувства къ нему, даже принуждены были всячески заискивать, добиваться милости и вниманія со стороны сына мужика, такъ какъ расположеніе или нерасположеніе Никона тогда значило для нихъ слишкомъ много.

Крайне высокое и преувеличенное представленіе о себѣ, какъ настоящемъ, дѣйствительномъ великомъ государѣ Никонъ проявилъ не только властнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла государственныя, въ высокомѣрномъ отношеніи къ тогдашнему родовитому правящему боярству, но, какъ замѣчали современники-очевидцы, и къ самому царю Алексѣю Михайловичу, котораго патріархъ Никонъ сталъ замѣтно затѣнять собою и даже, будто бы, иногда позволялъ себѣ прямо неуважительные и пренебрежительные отзывы о царѣ. Въ росписи спорныхъ рѣчей Іоанна Неронова съ патріархомъ Никономъ, поданной государю и, вѣроятно, для него написанной, приводятся такія рѣчи Неронова: „было и о благочестивомъ царѣ у патріарха слово: мнѣ-де и царская помощь негодна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю“. Въ посланіи къ царю отъ 27 февраля 1654 года изъ Спасо-каменнаго монастыря Нероновъ пишетъ: „слышахъ, о благочестивый царю, и твое величество отъ него, владыки (Никона), оуждаемо, и испоругаемо, и ни во чтоже поставляемо“. Во время примиренія съ Никономъ Нероновъ въ глаза говорилъ ему: „дивлюся,—государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ, всѣмъ страшны, и никтоже смѣетъ съ ними глаголати что, аще силою тѣ озлобляемъ тѣми. Затвержено

¹⁾ Мурк. вып. III, стр. 47, 158—159.

у нихъ: знаете ли патріарха!“ И государю Нероновъ прямо говорилъ, при встрѣчѣ съ нимъ: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такую Божию врагу? Смutilь всю русскую землю и твою царскую честь попраль, и уже твоей власти на слышать,—отъ него, врага, всѣмъ страхъ“. Дьяконъ Федоръ въ челобитной государю пишетъ: „а о томъ, государь, что у Никона патріарха слышалъ азъ поносныя слова на тебя, царя,—о томъ скажу, ково ты, государь, зная, пришлешь, или самъ спросишь“ ¹⁾. Грекъ архіепископъ, проживавшій въ Москвѣ, отражая, конечно, тогдашнія ходячія московскія воззрѣнія на Никона, пишетъ государю: „отъ гордости является, державнѣйшій царю, яко побѣждашася зѣло и господинъ Никонъ, и просяше грамоты отъ царствія твоего пребеззаконныя на возвышеніе нелѣпое свое... Не устраши его страхъ Соломона, глаголюща: не гордися предъ царемъ... Не слуша Златоуста глаголюща: иже не слушаетъ царя, Богу борется. И еще тому глаголющу: ничтоже бо еще прогнѣваетъ Бога, якоже еже паче чести почитатися, но ослѣпи его гордость, возлюби бо паче славу человѣческую, нежели славу Божию, вся бо дѣла творяше воеже видѣтися отъ человѣковъ. Любяше бо первосѣданіе въ вечерахъ и первовозлеганіе и зватися отъ человѣкъ равви“. Паисій Лигаридъ, въ своемъ посланіи къ Никону отъ 21 іюля 1662 г. пишетъ, что царь показывалъ предъ нимъ, Никономъ, столько смиренія, почтенія и благоговѣнія, „что многаци отъ синклита свѣтлѣйшимъ начальникомъ блазнитися, толикимъ низайшимъ смиреніемъ отъ церковнаго достоинства“ ²⁾.

Такимъ образомъ Никонъ въ своей дѣятельности стремился быть настоящимъ великимъ государемъ, и нѣкоторое время дѣйствительно былъ имъ, самостоятельно управляя государствомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, когда царь былъ на войнѣ съ поляками. Но государствованіе Никона было такого характера, что онъ вызвалъ къ себѣ величайшее раздраженіе и ненависть среди тогдашняго высшаго правящаго боярскаго класса, кровно обиженнаго гордымъ, высокомернымъ отношеніемъ къ нему духовнаго великаго государя—патріарха. Съ теченіемъ времени характеръ государствованія

¹⁾ Матер. I, 44, 60, 158 VI, 44

²⁾ Дѣло о патр. Никонъ, стр. 82—83 Гиб I, 230

Никона вызвалъ полное разочарованіе въ своемъ „собинномъ другѣ“ и у самаго государя, который въ концѣ увидѣлъ и убѣдился, что Никонъ въ дѣйствительности вовсе не таковъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ ранѣе, что онъ, царь, сдѣлалъ большую, серьезную ошибку, признавъ патріарха Никона великимъ государемъ, что это ведетъ только къ разнымъ неудовольствіямъ и даже смутамъ, къ умаленію престижа самой царской власти, не принося въ то же время никакой дѣйствительной пользы государству и обществу. Въ виду этого государь велѣлъ сказать Никону, чтобы онъ больше не назывался великимъ государемъ и что впредь такимъ онъ больше почитать его не будетъ. Значить, государствованіе Никона не только не привело въ концѣ къ возвышенію духовной власти надъ свѣтскою—государственной, а какъ разъ наоборотъ: оно всюду въ государственной сферѣ возбудило и укрѣпило сознаніе, что существованіе у насъ рядомъ двухъ великихъ государей—свѣтскаго и духовнаго, для правильнаго, здороваго государственнаго и общественнаго развитія, дѣло рѣшительно вредное и потому вовсе нежелательное, что въ интересахъ государства и общества всегда слѣдуетъ имѣть только единаго свѣтскаго великаго государя, а патріарха имѣть только какъ вполнѣ подчиненное и во всемъ рѣшительно отъ царя зависимое лицо, какъ это и было ранѣе до патріаршества Никона.

Если Никонъ, какъ великій государь, затѣнялъ собою самаго царя, если онъ съ самыми родовитыми и высокопоставленными московскими боярами держалъ себя очень властно и высококомѣрно, требовалъ отъ нихъ послушанія себѣ, подчиненія и почтенія, заставлялъ ихъ часами дожидаться на крыльцѣ у себя, не позволялъ имъ садиться при себѣ, и какъ должное принималъ ихъ земные поклоны предъ нимъ, чѣмъ онъ крайне вооружилъ ихъ противъ себя, создалъ изъ нихъ себѣ непримиримыхъ враговъ; то, можетъ быть, онъ совсѣмъ иначе относился къ своимъ собратьямъ архіереямъ и всему духовенству, старался сблизить и объединить ихъ съ собою, старался поднять и возвысить ихъ самосознаніе, какъ представителей церкви, возвысить ихъ въ мнѣніи общества и государства, сдѣлать ихъ болѣе просвѣщенными и образованными и потому болѣе сильными, вліятельными и авторитетными въ обществѣ, чтобы самому

себѣ и своимъ идеямъ и планамъ найти въ нихъ надежную опору и поддержку противъ натиска и притязаній свѣтской власти? Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, Никонъ поступалъ какъ разъ наоборотъ.

Сдѣлавшись великимъ государемъ, Никонъ крайне гордо и даже презрительно относился къ своимъ сослужителямъ и братьямъ архіереямъ, обидно и больно давая постоянно чувствовать имъ свою великую власть надъ ними и ихъ полную зависимость отъ него. Вятскій епископъ Александръ писалъ, что Никонъ, при своемъ поставленіи на патріаршество, далъ обѣщаніе: „братіи своей о св. Духѣ и сослужбникамъ всѣмъ: преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископомъ и епископомъ патріаршества его—россійскаго царствія, любовь духовную имѣти, и яко братію тѣхъ почитать, и сице любить, яко же владыка нашъ Господь Христосъ возлюбилъ своя ученики и апостолы... И по толицѣ обѣщаніи странно за рабы святительскій чинъ вмѣни и толико ругаяся, яко сошедшимся архіереомъ къ сѣннымъ дверемъ крестовыя палаты, на переднемъ крыльцѣ часа два или три сидѣти, и не единому даде слово рещи предъ собою, ниже молбы тѣхъ выслушавъ о исправленіи церковныхъ вещей, но странно поработи тѣхъ, и лютѣ нападалъ на братію свою, и страдати многихъ устрои и умиленѣ плакати“¹⁾. Стрешневъ, въ своихъ вопросахъ Паисію Лигариду, говоритъ: „Никонъ никогда не изволилъ называть архіереевъ братією своею, но почиталъ ихъ вельми низжайшихъ для того, что отъ него были освященныя“.²⁾ Даже болѣе. Никонъ позволялъ себѣ по отношенію къ архіереямъ грубыя и прямо оскорбительныя выходки. Антіохійскій патріархъ Макарій на соборѣ 1666 года, какъ самовидѣцъ, показывалъ: „да онъде, Никонъ патріархъ, въ соборной церкви въ алтарѣ, во время литургіи, съ нѣкоего архіерея снялъ шапку (митру) и бранилъ всячески за то, что кадило держалъ за кольца, а не за цѣпи“. Павелъ Алепскій рассказываетъ, что когда въ Москву прибылъ и представился Никону сербскій пекскій патріархъ Гавріиль, то Никонъ „сильно бранилъ его (Гав-

¹⁾ Рукопись москов Румянцевскаго музея, по описанію Востокова № 376. л. 245.

²⁾ Матер VIІ, 165.

рилла) и запретилъ ему даже произносить своими устами слово патріархъ (т. е. запретилъ ему называться въ Москвѣ патріархомъ). Сербскій архіепископъ видя, что патріархъ Никонъ распоряжается имъ и *кричитъ на него, какъ на одного изъ своихъ архіереевъ*, поспѣшилъ поскорѣе выѣхать изъ Россіи, хотя и пріѣхалъ въ нее въ видахъ остаться у русскихъ навсегда. Этого сербскаго патріарха, или, какъ Никонъ приказалъ титуловать его, архіепископа, въ селѣ Пушкинѣ побили крестьяне, принадлежавшіе патріарху, но Никонъ не далъ по этому дѣлу управы ¹⁾.

Причина, почему Никонъ такъ пренебрежительно относился къ своимъ собратіямъ о св. Духѣ и сослужителямъ—архіереямъ, почему онъ не хотѣлъ ихъ признавать равными себѣ, заключалась прежде всего въ томъ, что Никонъ не признавалъ одинаковости и равенства архіерейскаго сана по самому его существу. По его словамъ: „патріархъ Христовъ образъ носитъ на себѣ, градстіи же епископи—по образу суть 12 апостолъ, сельстіи же по—70 апостолъ“. Или, по его заявленію, „первый архіерей (т. е. патріархъ) во образъ Христовъ, а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ учениковъ и апостоловъ“. Но если, по другому выраженію Никона, „патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ“, а другіе епископы образъ учениковъ Христа, то понятно, что какъ нѣтъ никакого равенства между Христомъ и его учениками, такъ не можетъ быть равенства между патріархомъ и другими епископами. Другое основаніе, почему Никонъ, рѣзко и рѣшительно выдѣлялъ себя, какъ нѣчто несравненно высшее, изъ ряда другихъ архіереевъ, заключается, по заявленію Никона, въ томъ, что большинство тогдашнихъ русскихъ епископовъ были его ставленниками и, какъ такіе, обязаны были всячески почитать его и оказывать ему безусловное послушаніе. Никонъ говорилъ, „что тогдашніе русскіе архіереи его поставленники многіе и имъ де его, патріарха, почитать доведется, и о почитаніи де и всякомъ послушаніи и каковымъ имъ во святительствѣ быть,—давали ему на себя письма за своими руками“. Онъ заявляетъ, что архіереи при поставленіи давали ему торжественное обѣщаніе: „аще что сотворитъ безъ нашего патрі-

¹⁾ Гиб. II, 1070—1071, 1076 Мурк. III, 24; IV, 156.

аршаго вѣдома, да будетъ лишенъ, безъ всякаго слова, всего священнаго сана“. Значить, и по этой причинѣ при званатъ Никону другихъ архіереевъ братьями и равными себѣ—не приходилось,—онъ былъ не равенъ имъ, но „превысокій сравнительно съ ними, „отець отцовъ“, „крайній святитель“, какъ онъ самъ величаетъ себя, а всѣ другіе архіереи—только его подчиненные, которыхъ онъ въ любой моментъ властенъ лишить самаго сана „безъ всякаго слова“¹⁾. Но едва-ли не главною причиною, почему Никонъ такъ надменно и пренебрежительно относился къ русскимъ архіереямъ, было то характерное обстоятельство, что Никонъ имѣлъ о тогдашнихъ нашихъ іерархахъ самое невысокое представление, какъ относительно ихъ нравственныхъ качествъ и всего поведенія, такъ и относительно уровня ихъ умственнаго развитія и знаній и, особенно ихъ, отношеній къ свѣтской власти. Такъ Никонъ отзывался о псковскомъ архіепископѣ, что онъ „и старъ да глупъ“, о новгородскомъ митрополитѣ, мѣстоблюстителѣ патріаршаго престола, говорилъ: „Питеримъ-де митрополитъ и того не знаетъ, по чему онъ человекъ“. Въ письмѣ къ боярину Зюзину Никонъ выражается о тогдашнихъ архіереяхъ вообще: „не невѣсть твое благородіе, яко архіереи всѣ наше рукоположеніе, но не мнози по благословенію нашему служатъ Господеви, а пже не благословенъ, ничто-жъ разствуеть со отлученнымъ“. Про судившихъ его на соборѣ 1660 года русскихъ архіереевъ Никонъ говоритъ, что за такое беззаконіе ихъ необходимо постигнетъ гнѣвъ Божій, да многихъ уже постигъ, „овій виномъ сгорѣлъ, инъ удавился, овъ инако, злопострадавъ, умре, якоже вси знаютъ о семъ“. Въ іюль 1663 года Никонъ говорилъ посланнымъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, боярину Одоевскому и астраханскому архіепископу Іосифу: „а нынѣшніе архіерен, чтобъ имъ архіерейства не отбыть, побораютъ по неправдѣ... Нынѣшніе архіерен не хотятъ пострадать за истину, что бъ славы и чести архіерейства не отбыти“. Въ другомъ случаѣ Никонъ заявляетъ: „нынѣ архіереи, оставя свое достояніе священническое, кланяются царемъ и квяземъ, аки преобладающимъ, и о всемъ

1) Рукопись нашей академіи № 218, т. 163 об. 211 об. Глб. I, 171—172, 191. 225.

спрашиваютъ и чести ищутъ“. И это понятно. Царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его жъ любить“, почему всѣ такіе архіереи „не избрани отъ Бога и недостойны“, они, по писанному: „оставя свѣтъ, возлюбили тьму, оставя правый путь, ходятъ во стезяхъ погибели, осуетишася въ помышленіяхъ своихъ“. Въ письмѣ къ самому царю въ декабрѣ 1662 года, Никонъ говоритъ, что если требованія каноническихъ правилъ будутъ приложены къ русскимъ архіереямъ, „то мню, яко не единъ архіерей, или престоитеръ, останется достоинъ“, но всѣ они „сами ся постыдятъ и осудятъ отъ святыхъ правилъ, зряще ихъ (правила)“¹⁾.

Если Никонъ, по словамъ вятскаго епископа Александра „святительскій санъ за рабы вмѣни“ если онъ позволялъ себѣ и архіереевъ всячески ругать и кричать на нихъ; то уже по одному этому можно представить, какъ онъ относился къ низшему духовенству, которое тогда было относительно архіерея тяглымъ, податнымъ сословіемъ, обложеннымъ въ пользу архіерея и его многочисленныхъ свѣтскихъ чиновниковъ всевозможными податями и налогами, которые къ тому же архіереи предписывали собирать съ духовенства безъ всякаго пощады. Священникъ былъ тогда предъ архіереемъ буквально во всѣхъ отношеніяхъ безправный и беззащитный человѣкъ: архіерей могъ дѣлать съ нимъ все, могъ всегда такъ или иначе распорядится имъ, не давая никому отчета за такія или иныя свои отношенія къ епархіальному духовенству. И не только самъ архіерей, но и его свѣтскіе чиновники дѣлали съ духовенствомъ все, что имъ угодно, такъ какъ бѣдному, забитому рядовому духовенству не у кого и негдѣ было найти на нихъ управы,—сами архіереи стояли на сторонѣ своихъ чиновниковъ. Особенно на бѣлое духовенство архіереи, какъ монахи, смотрѣли всегда съ извѣстнымъ пренебреженіемъ, какъ на людей плоти и міра, трактовали всегда его какъ что-то по самому существу, по самой своей природѣ, низшее, грубое и житейски-матеріальное по сравненію съ отрешившимся отъ всего житейскаго, мірскаго и матеріальнаго иноками, архіереи-иноки

1) Гиб. II, 494, 615. I, 254. Рук. нашей акад. № 218, л. 184 об и л. 186 и об.

только терѣли, только снисходили къ этому плотскому, мірскому духовенству ради плотскихъ, мірскихъ людей. Но Никонъ и въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ. Для него священникъ, какъ правомочный пастырь церкви, имѣющій и право и назначеніе чрезъ совершаемыя имъ таинства вести свою паству ко спасенію, есть что-то аномальное и самочинное. Никонъ по этому поводу рассуждаетъ, что слова Господа: *елика аще свяжете на земли, будетъ связано на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небеси*, относятся только къ апостоламъ и ихъ преемникамъ—архіереямъ и ни къ кому болѣе,—никакъ не къ священникамъ. „Архіереомъ дадеся такая власть отъ Господа, говоритъ Никонъ, еже вязати и разрѣшати грѣхи, а не просто священникамъ, яко же послѣдованіе въ молитвословіи показываетъ. Но обаче, аще и отъ обычая такое самочиніе привиде, терпятъ царіе и князи священническое запрещеніе и разрѣшеніе, *правду мнятъ быти*, кольми паче подобаетъ архіереовъ слушати, а не судить. О нихъ же (архіереяхъ, а несвященникахъ) Господь рече: слушай васъ, Мене слушаетъ и т. д.“ Значить, всѣ пастырскія полномочія, какія Христосъ давалъ своимъ ученикамъ, Никонъ приурочиваетъ только къ однимъ архіереямъ, а если послѣ пастырскія права и полномочія стали приурочивать и къ священникамъ, то это явленіе въ дѣйствительности есть незаконное, есть только проявленіе самочинія. Или, на примѣръ, Никонъ, по поводу приводимаго противъ него правила: „аще кто досадитъ цареву, или князю безъ правды, аще есть причетникъ, да извержется, аще мірской человекъ, да отлучится“, заявляетъ: „здѣ реченіе св. апостоль: аще кто досадитъ безъ правды, аще есть причетникъ, да извержется,—причетникъ, а не архіерей: ина бо слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, рече апостоль“, Значить, по мнѣнію Никона, священника, досаждающаго царю безъ правды, извергнуть можно, а архіерея никакъ нельзя, и это потому, что архіерей и священникъ есть двѣ несоизмѣримыя величины, которыя никакъ нельзя сопоставлять между собою ¹⁾.

Но если между простымъ архіереемъ и священникомъ существуетъ такая громадная разница, что сопоставленіе

¹⁾ Акад. рук № 218. л 264. об

ихъ между собою, какъ однородныхъ въ извѣстномъ отношеніи силъ, рѣшительно неправильно и незаконно; то между патріархомъ и обыкновеннымъ клиромъ конечно существуетъ уже неизмѣримое растояніе: это два церковныхъ полюса, не имѣющихъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія, изъ которыхъ одинъ весь постоянно внизу, а другой неизмѣнно вверху. Дѣйствительно священники, съ прочими членами клира, были, въ глазахъ патріарха Никона, такою ничтожною величиною, что онъ, стоявшій и въ церкви и въ государствѣ такъ необычно высоко, вовсе и не думалъ сколько нибудь заботиться и лещись о нихъ, а тѣмъ болѣе входить въ ихъ нужды, потребности, интересоваться ихъ положеніемъ среди паствы и т. под. Вятскій епископъ Александръ въ челобитной царю пишетъ: „проходилъ ли Никонъ своя паствы грады, бывъ въ митрополитахъ въ Новѣ-градѣ, тако же и въ патріархахъ—своя области градовъ, уча ко благочастію? всяко не проходилъ, точію благочестивыя священноархимандриты и игумены, и протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, міра сего мудрованіе имущихъ, любилъ, но и тѣмъ пакости многи творилъ“¹⁾. Значитъ, по свидѣтельству вятскаго епископа Александра, Никонъ былъ очень небрежный и нерадивый, а въ то же время очень суровый, пристрастный и несправедливый епархіальный архіерей, при которомъ всему епархіальному духовенству жилось очень плохо, такъ какъ всѣ испытывали только его тяжелый гнетъ и несправедливости.

Никонъ постоянно настаивалъ на томъ, что мірскіе люди не могутъ судить духовныхъ лицъ въ Монастырскомъ приказѣ, основанномъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, за что Никонъ, по оставленіи патріаршей каѳедры, жестоко укорялъ и обличалъ царя. По этому поводу Паисій Лигаридъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева, ставитъ Никону такой вопросъ: „учинилъ ли коли нибудь таковъ судъ Никонъ, сидѣлъ ли коли нибудь на своемъ судебномъ мѣстѣ, что бѣ слушалъ жалобы и зависти чьей нибудь?“ И отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: „николи! только онъ держалъ мірскихъ, которые судили въ его приказѣ, и челобитныя раздавалъ людямъ своего двора, и они вѣкогда прямое,

¹⁾ Матер. VI, 145.

кривымъ чинили, а кривое—прямымъ. Такъ ли дѣлають судіи? такъ ли патріархи относятся къ сынамъ своимъ, которые (т. е. патріархи) суть отцы отцемъ?“ На поставленный вопросъ, Никонъ такъ отвѣчаетъ Паисію Лигариду: „а еже глаголишь, яко азъ николи же сидѣлъ на своемъ судебномъ мѣстѣ что бѣ слушалъ жалобы и зависти чьей нибудь, только онъ держалъ мірскихъ, которые судили въ его приказахъ и челобитныя раздавалъ людямъ своего двора,—и *sic ne безъ привды*, еже мірскимъ людямъ—судіямъ быть подѣ повелѣніемъ патріаршимъ. Сіе и у всѣхъ обрѣтается митрополитовъ и епископовъ въ Россіи, *обаче же патріаршескій урядъ по закону мірскихъ людей имѣть*, якоже и карагенскаго собора показуеть правило 76-е: да не стужають епископу, да будутъ мѣстницы“. А подѣ мѣстницами разумѣются мірскія лица, съ согласія царей поставляемая при епископахъ. „Мѣстницы же, говоритъ Никонъ, казнители суть церковниці, да противятся насилію и мучительству богатыхъ и отлицаютъ убогія отъ насилія ихъ. А епископы того ради не стужаемы бывають“ ¹⁾).

Такъ Никонъ, отрицая право судить духовныхъ лицъ въ Монастырскомъ приказѣ, потому что тамъ судятъ мірскія лица, съ удивительной непослѣдовательностію самъ судъ надъ всѣмъ духовенствомъ патріаршей области перелалъ въ руки своихъ мірскихъ служилыхъ людей, принадлежавшихъ къ патріаршему дому, такъ самъ онъ, по его собственному сознанию, дѣйствительно никогда не сидѣлъ на своемъ судебномъ мѣстѣ, уступивъ его своимъ свѣтскимъ чиновникамъ. Такой порядокъ—судить патріарху подчиненное ему духовенство чрезъ мірскихъ лицъ, Никонъ находилъ не только правильнымъ, оправдываемымъ установившимся въ русской архіерейской практикѣ обычаемъ, но даже согласнымъ съ соборными каноническими постановленіями, хотя въ это время царю уже подано было „Моленіе всего освященнаго собора, чтобъ патріаршимъ приказнымъ освященнаго чину не судить“ ²⁾, а чрезъ три—четыре года послѣ этого соборомъ 1667 года постановлено было, чтобы

¹⁾ Зап. рус. археол. общ. II, 456—459. Русск. вѣстн. 1841. № 218, ч. 459 об. 451.

²⁾ Матер. I, 332.

архіерейскіе свѣтскіе чиновники совершенно устранены были отъ всякаго участія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія и суда, такъ какъ это явленіе антиканонично,—судъ и управленіе епархіальными дѣлами могутъ совершаться только при участіи духовныхъ лицъ.—Понятно, что Никонъ въ дѣйствительности возставалъ противъ Монастырскаго приказа не потому собственно, что въ немъ судили мірскіе судьи, а единственно потому, что Монастырскій приказъ былъ строго государственнымъ учрежденіемъ, отъ патріарха ни въ чемъ независимымъ, а значитъ, по убѣжденію Никона, и не имѣвшимъ права судить духовныхъ лицъ, повинныхъ суду только патріарха и архіерея, хотя бы послѣдніе и судили духовенство чрезъ мірскихъ только лицъ.

Н. Кантревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
